

УДК 81-119

МЕСТО ЭКОЛИНГВИСТИКИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Н.А. Курашкина

В статье показано, что эколлингвистика, явившись результатом нового взгляда на мир, в полной мере отражает основные принципы постнеклассической научной парадигмы, а экологизация научного знания приобретает массовый характер и требует развития новых направлений, сочетающих экологию с другими науками. Имея тесные связи с социоллингвистикой, семиотикой, лингвосинергетикой, культурой речи и многими другими отраслями знаний, включая экофилософскую основу, эколлингвистика демонстрирует новый подход в отношении «человек – природа», предполагающий отказ от дуалистического восприятия этого отношения в пользу восприятия целостного.

Ключевые слова и фразы: эколлингвистика; постнеклассическая (эволюционно-синергетическая) научная парадигма; экоантропоцентрическое мировоззрение; лингвосинергетика; социоллингвистика; экофилософия.

THE PLACE OF ECOLINGUISTICS IN POST-NON-CLASSICAL SCIENTIFIC PARADIGM

N.A. Kurashkina

The article shows that ecolinguistics, resulted from a new world outlook, reflects to its full extent the main principles of the post-non-classical scientific paradigm, while ecologization of science demonstrates a global tendency and demands the development of new scientific branches combining ecology with different sciences. Having close relations with sociolinguistics, semiotics, linguosynergetics, standard of speech and many other branches of science, including ecophilosophic basis, ecolinguistics shows a new approach in the interrelation “man – nature” which presupposes the refusal from the dualistic perception of this interrelation in favour of its holistic perception.

Keywords and phrases: ecolinguistics; post-non-classical (evolutionary-synergetic) scientific paradigm; ecoanthropocentric outlook; linguosynergetics; sociolinguistics; ecophilosophy.

Основными чертами постнеклассической научной парадигмы, пришедшей на смену неклассическому мировидению в 70-х гг. XX в. вместе с изучением нелинейных, самоорганизующихся систем, выступают: 1) стирание границ между науками и появление исследований междисциплинарного характера, нацеленных на создание общенаучного типа мышления на основе принципа универсального эволюционизма, который обеспечивает экстраполяцию эволюционных идей на все сферы действительности, холистического принципа, согласно которому мироздание, биосфера, ноосфера, общество, человек и т.д. представляют собой единую целостность, и теории самоорганизации (синергетики), исследующей быстрые скачкообразные механизмы развития систем; 2) изменение роли человека в процессе познания в сторону его активного участия в ходе развития событий

внешнего мира как реализация принципа антропоцентризма. Новая научная парадигма складывается «благодаря смене статического воззрения на мир как на жестко упорядоченную совокупность элементов, частиц и т.п. *sui generis*, на рассмотрение мироздания как динамической системы разворачивающихся вокруг человека “атомарных фактов”, т.е. событий, явлений, свойств и т.п., “поглотивших” элементарные сущности, как предметные переменные, вовнутрь» [Телия 1988: 3]. В результате в центре внимания оказывается деятельность человека, которая обеспечивает ему не только «ориентацию в мире, его практическое освоение», но и «познание и понимание процессов, происходящих во внешнем и внутреннем для него мире» [Там же: 3].

Черты постнеклассической парадигмы прослеживаются и в науке о языке, где с антропоцентризмом тесно связаны другие лингвистические принципы, определяющие развитие современного языкознания, которые были сформулированы и обоснованы Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1994], а затем получили дальнейшее толкование в работах таких исследователей, как С.Г. Воркачев, А.В. Кравченко, Е.А. Попова, А.П. Чудинов и др. Помимо антропоцентризма базовыми установками современной лингвистики являются *экспансионизм* как выход в разные области гуманитарного знания и различные сферы естественных наук, в результате чего наблюдается появление новых направлений исследования и «размытость границ самой лингвистики» [Кубрякова 1994: 14]; *функционализм* (или *неофункционализм*), делающий акцент на изучении назначения объекта исследования и требующий рассматривать язык при исполнении им определенных функций; *экспланаторность* как стремление «найти каждому языковому явлению разумное объяснение» [Там же: 14] (см. также [Кубрякова 1995: 207–221]).

Существующие лингвистические школы и направления «демонстрируют все признаки сближения позиций и создания новой интегральной парадигмы знания – функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу» и диктующей выходы за пределы «формализованной концепции языка» [Кубрякова 1995: 231].

Идея данной статьи возникла в связи с потребностью определения того, насколько эколлингвистика отражает основные принципы постнеклассического мировидения, и выявления ее отношения к другим близким отраслям лингвистического и философского знания, возникшим при смене доминирующего в первой половине XX в. неклассического научного мировоззрения.

Появление эколлингвистики совпадает с этапом становления постнеклассической парадигмы, если взять за точку отсчета работу Э. Хаугена «Экология языка» [Haugen 1972], поэтому данная междисциплинарная отрасль, будучи продуктом нового взгляда на мир,

должна органично вписываться в обновленную модель научного мышления, ядро которой составляет синергетика. Эволюционно-синергетическое знание, как известно, представляет собой знание синтетическое, интерпретативное, зависящее от познавательного контекста и плюралистическое [Бронник 2013: 5]. Внимание синергетики обращено на процессы самоорганизации в неравновесной среде и самопроизвольной организации под воздействием внутренних механизмов, иными словами, процессы эволюции системы.

1. Философская основа эколлингвистики

С открытием явлений самоорганизации складывается и новое отношение к природе – возникает перспектива восприятия ее как аутопоэзной целостной системы, включающей человека (см., напр., [Матурана, Варела 2001]). Отношение к природе не как к сущности, но как к существу в большей степени свойственно экологическому мышлению и сознанию, формирование которого было начато работами В.И. Вернадского и продолжается в настоящее время. В постнеклассической (эволюционно-синергетической) парадигме создается новый тип научного знания – знания ноосферного, в котором меняется не только отношение к природе, но и к человеку как самосознанию природы [Черникова 2011: 376]. Объектами постнеклассической науки становятся такие «человекомерные» объекты, как биосфера, ноосфера, экологическая среда. Эта наука ориентирована на антропный принцип, согласно которому человек предстает не как властелин мира, но «соучастник мирового процесса». Происходит гуманизация научного знания, возможно, «как осознание антропоморфизма мира и человека» [Черникова 2011: 158, 161]. Получает развитие коэволюционная концепция, согласно которой эволюция биогеоценоза понимается как совместная эволюция системы и ее среды [Гимазетдинова, Солодухо 2008: 25].

Новое видение отношений «человек – природа», появляющееся в постнеклассический период, все чаще называют инвайроментальным, или эоцентрическим, которое, по мнению Е.В. Рубановой, корректнее именовать эоантропоцентрическим, подчеркивая, тем самым, гармоничность выстраиваемых взаимосвязей между человеком и его средой обитания [Рубанова 2007: 97]. Осознание самоценности природы должно способствовать переходу от человека-потребителя к эочеловеку, которого характеризует «иерархия ценностей, основанная на превалировании потребности в сохранении не столько своей жизни, <...> сколько жизни всех природных организмов, т.е. жизни вообще во всех ее проявлениях» [Пахомов 2002: 64–65]. Таким образом, все действия человека должны быть направлены на сохранение и восстановление красоты в каждой точке планеты, поскольку «красота естества Мироздания, объединенная со всеобщей социальностью в живой Природе, позволяет нам сделать еще один шаг и приблизиться к духовности» [Ханжин и др. 2008: 76].

Экологическое знание является по своей сути интегральным, поскольку включает в себя как философские, так и естественнонаучные интерпретации природных процессов и взаимоотношений «человек – природа» [Рубанова 2007: 4]. Сама действительность диктует необходимость философского осмысления экологических проблем, хотя попытки постижения Универсума предпринимаются с тех пор, как человек начал создавать собственный мир, осваиваясь в своей среде обитания и осваивая ее.

Наиболее влиятельным и популярным течением в экологической философии XX в. становится *глубинная экология*, основные положения которой были выдвинуты в работе норвежского философа А. Нейса [Naess 1973]. Глубинно-экологический подход в интерпретации А. Нейса, во-первых, предполагает отказ от образа человека-в-его-природном окружении в пользу образа организма как узелка в поле внутренних отношений; во-вторых, постулирует принцип биосферного эгалитаризма, т.е. «равного для всех права на жизнь и процветание» [Ермолаева 1997: 26], что определило многие положения платформы данного движения (см. подробнее [Naess 1989]). Осмысляя *экофилософию* как тип философского исследования, решающего общие для экологии и философии проблемы о месте человека в природе, А. Нейс отделяет от нее *экософию*. Этимологически *экософия* соединяет *οἶκος* (дом, жилище) и *σοφία* (мудрость) и становится философским мировоззрением, стремящимся отразить условия жизни в экосфере. На основе этого мировоззрения человек может принять принципы или платформу глубинной экологии. Для этого «вполне достаточно достичь собственного цельного взгляда на вещи, найти и обжить собственный философский дом, меняющийся только вместе с вашей собственной жизнью» (А. Naess – цит по: [Ермолаева 1997: 30]).

В среде современных *экофилософов* в последнее десятилетие намечается уход от принципов глубинной экологии к экологии интегральной, или *всесекторно-всеуровневой*, как сфере приложения интегральной теории американского философа и психолога Кена Уилбера к исследованиям *инвайроментальных* вопросов. Основой данного подхода является интегральная или всеобъемлющая карта (*AQAL*), объединяющая пять элементов: секторы, уровни, линии, состояния и типы. В английской терминологии *AQAL* представляет собой аббревиатуру словосочетания *all quadrants, all levels, all lines, all states, all types* (все секторы, все уровни, все линии, все состояния и все типы), т.е. *всесекторно-всеуровневая* карта (см. [Wilber 2006]). Базовый элемент – сектор – репрезентирует измерение опыта, эксплицирующегося в четырех направлениях: «я» (*внутренняя сторона индивидуального*), «это» (*внешняя сторона индивидуального*), «мы» (*внутренняя сторона коллективного*) и «эти» (*внешняя сторона коллективного*). Таким образом, четыре сектора – это четыре

фундаментальные точки зрения на любое событие: это *внутренняя* и *внешняя* сторона *индивидуального* и *коллективного*. При этом нельзя игнорировать все остальные элементы интегральной модели, присутствующие в секторах. Тогда, по замыслу К. Уилбера, эта модель способна иметь дело со всеми подлинно существенными компонентами действительности, а ее целевая установка связана с улучшением тела, ума и духа в себе, культуре и природе (см. подробнее о AQAL [Wilber 2006]).

В решении проблем, связанных с окружающей средой, необходимо учитывать как внутренние, так и внешние секторы. Для этого требуется «экологически рациональное обращение с *внешней* окружающей средой, но если во *внутренних* сферах при этом не происходит ценностного роста и развития сознания до мироцентрического уровня, будущее окружающей среды остается под большим вопросом» (см. [Уилбер 2016]). Интегральная экология зиждется на многообразии точек зрения, через которые проявляет себя природа, а интегральный подход при этом становится всеохватывающим и эффективным (см. подробнее, напр., [Zimmerman 2014: 259–268]).

Отечественная экофилософия исходит из осмысления экологических процессов и порождаемых ими проблем как целостного комплекса, образуя междисциплинарную область знания, разрабатывающую «общетеоретический духовно-конкретный образ природно-социальных условий бытия людей на родной планете и в космосе, а также методологию преодоления экологически кризисных ситуаций» [Вишев и др. 1999: 23] и создания благоприятных условий для долгой и благополучной жизни людей.

Экофилософский подход сосуществует и имеет точки пересечения с *биофилософией*, заявленной как новое направление в философском осмыслении жизни в 1993 г. Р.С. Карпинской. В круг вопросов, поставленных перед биофилософией, входят «проблемы единства жизни на Земле, жизни как высшей ценности человеческой культуры, обсуждение возможных путей сохранения жизни на Земле и соответственно путей изменения образа науки, ее идеалов и норм» [Карпинская 1997: 90]. Фактически биофилософия представляет собой «целостное единство трех составных частей: философии биологии, философии жизни и соответствующей им аксиологии (оценочное отношение к философии биологии и философии жизни)» [Шаталов, Олейников 1997: 15].

Возвращаясь к экофилософскому мировидению, следует отметить, что в основе его лежит следование экологическому императиву, являющемуся «одной из основных составляющих стратегии Разума» как стратегии «развития биосферы во имя Человека на основе стратегии Природы» [Моисеев 1990: 224]. *Экологический императив* в интерпретации Н.Н. Моисеева предстает как совокупность условий, «нарушение которых будет иметь для

человечества катастрофические последствия» [Моисеев 1990: 247]. Ученый полагает, что «будущность человечества, будущность *Homo sapiens* как биологического вида в решающей степени зависит от того, насколько глубоко и полно мы сможем понять содержание “нравственного императива” и насколько человек окажется способным принять его и следовать ему» [Там же: 248]. Нравственный императив следует воспринимать как систему определенных ограничений, запретов, регламентации в действиях, являющуюся следствием императива экологического. Н.Н. Моисеев убежден, что «миром действительно должен править Разум, согласовывающий свои действия, т.е. логику истории, с логикой Природы» [Моисеев 2000: 197].

Экофилософия также интерпретируется как «перенос принципов и закономерностей природных систем с их всеобщей социальностью, включая этику животных, в человеческое общество», или как «следование принципам Гармонии и Красоты как жизненного императива, как практической цели во всех проявлениях индивидуальной и общественной жизни и в трудовой практике» [Ханжин и др. 2008: 148].

Как утверждают У. Матурана и Ф. Варела, «корень всех неприятностей и затруднений, с которыми нам приходится сталкиваться сегодня, заключается в нашем полном неведении относительно познания» [Матурана, Варела 2001: 219]. Только «познание познания принуждает»: во-первых, «осознать, что определенность не является доказательством истинности»; во-вторых, «осознать, что мир, который видит каждый из нас, не есть этот (определенный) мир, а есть лишь *некий* мир, который мы создаем вместе с другими»; и в-третьих, «понять, что мир станет другим, только если мы станем жить по-другому» [Там же: 216].

2. Связь языковой экологии с социоллингвистикой

Одной из важнейших отраслей современной эколлингвистики является языковая экология (экология языка), занимающаяся решением проблемы сосуществования языков в традиции Э. Хаугена, который воспринимает концепцию экологии языка как символическую экологию, когда говорит о двух сторонах этого подхода: физиологической, подразумевающей взаимодействие языков в мышлении билингвов и говорящих на многих языках; социологической, предусматривающей взаимодействие языка с обществом, в котором он обеспечивает коммуникацию [Haugen 1972: 325]. Изучение вопросов языкового сдвига, пиджинизации, креолизации, а также проблема исчезновения языков, которая сопряжена с задачей сохранения языкового разнообразия как необходимого условия для создания языковой устойчивости (*linguistic sustainability*), не сходит с повестки дня языковой

экологии XXI века. Это означает, что экология языка по-прежнему не теряет связь с социолингвистикой.

Известно, что социолингвистика изучает «язык в его социальном контексте» [Лабов 1975: 96], т.е. функционирование языка в сообществе его носителей. Отсюда следует, что проблемы, связанные с социальным аспектом владения языком, социальной регуляцией речевого поведения, со сложным комплексом вопросов, относящихся к смешению языков и образованию в результате этого процесса пиджинов и креольских языков, являются для социолингвистики ключевыми. Кроме того, вопросы, касающиеся двуязычия и процессов взаимодействия и взаимовлияния языков, обусловленные наличием двух или нескольких языков в одном обществе, участие в формировании языковой политики и языкового планирования, – все это сфера компетенции социолингвистики (см. [Социолингвистика 2016]).

Необходимо подчеркнуть, что в трактовке Э. Хаугена экология языка носит, главным образом, социолингвистический характер, о чем свидетельствует сама постановка экологических вопросов, связанных с определением места языка в классификации, сферах его употребления, территориальной, классовой, религиозной принадлежностью его «пользователей», поддержкой статуса языка государственными, образовательными и другими институтами и т.п. [Haugen 1972: 336–337].

Беспокойство за судьбы языков в эпоху глобализации обуславливает обращение к «вечной» проблеме языковой природы. Это не только исчезновение, но и «повсеместное нарушение естественных культурных условий функционирования языка – нарушение, сопровождающееся безвозвратной трансформацией самого языка и моделей его функционирования» [Бородай 2013: 50]. А по данным современных типологических материалов можно сделать вывод о том, что «определяющую роль в структурировании когниции играет именно язык, а не иные культурные факторы» [Там же: 49].

Говоря о современных тенденциях в языковой экологии, нельзя не отметить, что все аспекты изучения экологических проблем путем критического анализа дискурса или самой языковой системы существуют и продолжают развиваться. Обратной стороной повышенного внимания к языковой критике является, на взгляд С.В. Стеффенсена и А. Филла, игнорирование биофизической реальности самих экологических вопросов [Steffensen, Fill 2014: 10].

В сфере экологии изучения языка и языковой социализации (*ecology of language acquisition and language socialization*) преломляются три аспекта экологической психологии восприятия Дж. Гибсона, вписывающиеся в социокультурный контекст. Экологическая

психология появляется в 60–70-е годы XX века как реакция на традиционную когнитивную психологию, ориентированную на идею «непрямого реализма». Основоположник экологического подхода к перцептивной активности, американский психолог Дж. Гибсон, предлагает модель «прямого восприятия», или «прямого реализма», вводя в оборот термин *аффорданс* (*affordance*), характеризующий те возможности активного действия, которые предоставляют индивиду определенные внешние объекты и среда в целом [Gibson 1979]. Таким образом, при погружении в язык проявляется мультисенсорная природа языкового восприятия, реализуемая в единстве с действием; далее изучение языка происходит по индивидуальной траектории, т.е. возможности активного действия варьируются от индивида к индивиду и от ситуации к ситуации; и, наконец, предоставляемые возможности (аффордансы) есть не что иное, как значимые способы соотнесения с окружающей средой через восприятие в действии (L. van Lier – цит по: [Steffensen, Fill 2014: 13–14]).

С опорой на теорию сложности (*Complexity Theory*) и системную психологию (*systemic psychology*), изучающую организм и среду как единое целое, разрабатываются соответствующие языковые модели, особенно в сфере освоения второго иностранного языка и социализации. Взяв за основу идею о том, что язык имеет симбиозную природу (*symbiotic*), т.е. символичен и динамичен, эколлингвисты ставят задачу проследить процесс интегрирования символических структур в динамику человеческого экосистемного существования. При таком подходе обучение языку ориентировано не столько на усвоение абстрактных моделей синтаксических и семантических структур, сколько на творческий потенциал самого языка как системного процесса (*linguaging*), который реализуется в конкретных ситуациях [Steffensen, Fill 2014: 14–15]. В рассмотренных сферах прослеживается взаимосвязь с прикладной социоллингвистикой, которая занимается вопросами обучения родному и иностранному языкам.

3. Отношение эколлингвистики и ее отраслей к другим дисциплинам

Рассуждая о современной лингвоэкологии, Ц.Ц. Огдонова усматривает в ней четыре органически связанных между собой направления: философское, ортологическое, культурологическое и социологическое [Огдонова 2009: 122]. В *философском направлении* «предмет и задачи лингвоэкологии выходят на уровень поиска и установления общих законов функционирования и развития языка, как а) сферы бытия человека, б) средства бытия человека и в) меры и смысла бытия человека»; *ортологическое направление* (развиваемое А.П. Сковородниковым и его последователями) в узком понимании решает задачи правильного использования языковых единиц (нормы письменной и устной речи) и проблемы нарушения норм; *культурологическое направление* (этнолингвоэкология),

формирующееся в контексте экологии культуры, «предполагает заботу о полноценной жизни культурно-языковой среды общества, а именно охрану этнического менталитета, народных традиций, картины мира, заключенной в словах, понятиях, категориях и конструкциях родного языка», и культивирует бережное отношение к языку (разрабатывается Л.И. Скворцовым, Л.В. Савельевой и другими специалистами); *социологическое направление (социолингвоэкология)*, тесно связанное с этнолингвоэкологией (актуально как для российских, так и зарубежных специалистов), занимается вопросами миноритарных языков и проблемой «языкового сдвига», в рамках которого «можно выделить: 1) лингвоэкологию русского языка как государственного, 2) лингвоэкологию национальных языков, 3) лингвоэкологию территориальных диалектов» [Огдонова 2009: 122–124]. Что касается философского направления, то, скорее, стоит вести речь об общей философской методологии, создающей основу для изысканий во всех областях, соединяющих экологию и лингвистику. В остальном такое широкое представление лингвоэкологии видится вполне приемлемым для дисциплины, претендующей на статус самостоятельного раздела языкознания.

Если вести речь об отечественной лингвоэкологии, то для нее не теряет актуальности проблема разграничения «близкородственных» отраслей языкознания, многим из которых она обязана своим появлением. Так, *культура речи* и *лингвоэкология* – это «не просто «родственники», а «родные сестры», имеющие общее предметное поле – проблематику нормы. Однако если «культура речи сосредоточивает свое внимание на вопросах оптимальной организации речи, ее коммуникативной эффективности и соответствующих компетенциях языковой личности, то эколингвистика – на условиях и факторах благоприятного или неблагоприятного существования и развития языка как сложной полифункциональной системы» [Сквородников 2013: 197]. «*Экология речи* (или – точнее – экология речевого общения), в отличие от экологии языка, по своему объекту совпадает с *культурой речи*, понимаемой широко – как проблематика норм и компетенций речевого общения в их совокупности, но отличается от культуры речи аспектно. Если *культура речи* призвана заниматься данной проблематикой без определения того, к каким последствиям для языковой системы могут привести изучаемые речевые явления, то экология речи рассматривает эти процессы как раз с ориентацией на указанные последствия» [Сквородников 2014: 153].

Подвергаются анализу точки пересечения *лингвоэкологии* и *речеведения*, «различие которых состоит в приоритете целей: речеведение нацелено прежде всего на выявление и систематизацию речевых фактов, а лингвоэкология – на сохранение окружающей среды (в

данном случае – речевой) или сбалансированности языковой системы» [Сиротинина 2013: 178]. Предлагается также разграничивать *лингвоэкологию*, *функциональную стилистику*, *речеведение* и *культуру речи* (которые, по мнению О.Б. Сиротининой, входят в *дискурсивную лингвистику*), несмотря на пересечения, наблюдающиеся в объектах исследования при различиях в предмете, целях и аспектах [Там же: 190–191].

В отечественной лингвистике также дискутируется вопрос о целесообразности придания терминологического статуса *критике языка*, что вызывает опасения за лингвоэкологию, которая может оказаться «аналогом дисциплины “критика языка” в сегодняшней Германии, а соответствующие термины – синонимами», в связи с чем первостепенную значимость приобретает «размежевание лингвоэкологии и культуры речи» [Бернацкая 2014: 27].

Эколлингвистика как целостная отрасль, по признанию В. Трампе, должна быть дополнена семиотической теорией, а именно экологической семиотикой, или *экосемиотикой* (*ecosemiotics*), которая призвана изучать семиотические взаимоотношения организмов с их непосредственным (социальным, культурным, природным) окружением (*immediate worlds*). Отсюда возникает модель системы взаимообмена между знаками и окружающим миром (*sign-world system*), в которой знаки и окружающий мир соотносятся друг с другом как экосистемы, причем как системы информационные, основанные на коммуникации и взаимодействии [Trampe 2008: 47–48]. Как полагает ученый, семиотический подход к экологии может пролить свет на информационные процессы, протекающие в экосистемах, а экологический подход к семиотике способен привести к новому пониманию знаков и свежим решениям по преодолению экологического кризиса. А экологический кризис, с точки зрения экосемиотики, интерпретируется как кризис в восприятии и интеграции знаков природы (*signs of nature*). Кроме того, В. Трампе утверждает, что эколлингвистическая модель взаимообмена между языком и миром (*language-world system*), предложенная П. Финке [Finke 1983], могла бы способствовать процессу более четкой дифференциации системы «знак-окружение» (*sign-world system*) [Trampe 2008: 47, 53]. Автор данной модели исследования выражает надежду на то, что биоцентрическая эстетика природных знаков откроет новые перспективы для воспитания уважительного отношения к природе и бережного отношения к ее красоте и богатству.

4. Феномен языка в эколлингвистической интерпретации

С.В. Стеффенсен и А. Филл отмечают, что в эколлингвистике научный поиск рационально приемлемого ответа на вопрос «что такое экология языка?» не позволял данной дисциплине, с небольшими заметными исключениями, поставить вопрос о том, «что такое

язык?» [Steffensen, Fill 2014: 16]. А между тем, язык в современном понимании 1) предстает как открытая, распределенная (*distributed*) динамическая экосистема, являясь одновременно частью природы и частью культуры, на структуру, содержание и развитие которого окружающая природная среда оказывает не меньшее влияние, чем «культура и личность, которые сами являются частью этих природных и социальных экосистем»; 2) язык «непрерывно зарождается в многоуровневой и распределенной динамике социальной коммуникации, в которой нет никаких метафизических составляющих», распадаясь на уникальный и индивидуально обусловленный «язык первого порядка» и эталонный, культурно предопределенный «язык второго порядка»; 3) язык представляет собой системный процесс (*linguaging*) – социокультурный, контекстно-зависимый и нелинейный – в котором правила создают упорядоченность и эффективность коммуникации и условия для его культурного наследования; 4) языку свойственна ситуативность (*situatedness*), т.к. он является частью действительности, интегрирован в контекст других знаковых систем, связан с восприятием и действиями, которые создают объективные основания для взаимного понимания коммуникантов; 5) язык не может быть сведен только к одному из «аспектов системных процессов» – необходим учет внешних природных факторов и внутренних индивидуальных характеристик участников коммуникации (обзор зарубежных авторов по [Суховерхов 2014: 169–171]).

Исходя из представленной трактовки феномена языка, становится понятным, что одних лингвистических средств для его постижения недостаточно. Это и склоняет исследователей искать пути расширения сфер приложения своих усилий в весьма далеких на первый взгляд областях знания.

Критический взгляд на работу отечественных специалистов высвечивает назревшую необходимость в ревизии некоторых принципиальных моментов, связанных с интерпретацией языкового феномена, как это уже делается зарубежными коллегами. По мнению А.В. Кравченко, эколлингвисты, взявшие на вооружение предложенный Э. Хаугеном подход к определению языковой экологии, «продолжают верить в инструментальную функцию языка» [Кравченко 2014: 94] (язык – это код), изучая его состояние как знаковой системы, обусловленное различными экстралингвистическими факторами, которые позитивным или негативным образом влияют на язык. Такое видение языка находим, например, у О.Б. Сиротининой: «В задачи лингвоэкологии входит изучение разнонаправленных процессов: процесс облегчения умственных усилий адресанта при переводе мыслей с универсального предметного кода (УПК) в его индивидуальном варианте на принятый в данном сообществе языковой код и процесс облегчения усилий адресата при

переводе с полученного языкового кода на свой вариант УПК (см. об этих процессах [Жинкин 1982]). <...> Очевидно, в лингвоэкологию входит и изучение целесообразности или нецелесообразности выбора варианта кода» [Сиротинина 2013: 179].

Единственным возможным способом ухода от «объективирования языка и наделения его чертами, свойственными живым организмам», А.В. Кравченко видит в необходимости применения нового взгляда на этот сложный феномен «с позиций теории живых систем, частным видом которых является человеческое общество» [Кравченко 2014: 94]. В свете теории живых систем, согласно которой «лингвистическая область устроена как область онтогенетических координаций действий» [Матурана, Варела 2001: 187], под *экологией языка* понимается его биокогнитивная функция поддержания общества как живой системы в единстве ее когнитивных (ориентирующих языковых) взаимодействий [Кравченко 2014: 96]. Такой биологически ориентированный подход, как полагает исследователь, «позволяет глубже понять влияние общественной языковой практики на характер и особенности онто- и филогенеза человека разумного, включая формирование системы ценностных ориентиров и экзистенциальных траекторий на уровне индивида и общества» [Там же: 96], что и должно составлять предметную область эколлингвистики как научной дисциплины.

При рассмотрении языка в фокусе биологически ориентированной когнитивной науки (когнитивной науки третьего поколения), когда «языковые взаимодействия, определяющие и поддерживающие когнитивную нишу человеческого общества как живой системы, являются важнейшим экологическим фактором, влияющим на эволюционное развитие человека» [Кравченко 2014: 91–92], а «характеристика экосистемы как системы самоорганизующейся, саморегулирующейся и развивающейся позволяет сопоставить систему языка, функционирующую в обществе, и взаимодействие человека, языка и общества с законами, принципами, условиями, действующими в экосистемах» [Потеряхина 2015: 22], появляются возможности для сближения эколлингвистики с синергетическим направлением в лингвистике, а именно с когнитивной лингвосинергетикой. *Когнитивная лингвосинергетика* представляет собой «раздел лингвосинергетики, изучающий взаимодействие языка и мышления в экологическом контексте» [Бронник 2008: 29], где понятие экологического контекста возникает как отражение взаимообусловленности языковой когниции и среды, а среда понимается достаточно широко – «от биофизических основ когниции до социокультурного окружения» [Там же: 30].

С целью преодоления недостатка интеграции между существующими подходами, объединяющими язык и экологию, С.В. Стеффенсен и А. Филл выдвигают неметафорический подход к языку, лежащий в основе натурализованной лингвистики, что

вполне согласуется с концепцией живых систем. А создание унифицированной эколлингвистической науки (*unified ecological language science*) [Steffensen, Fill 2014: 16–20] позволит ученым при сохранении разнообразия теоретических подходов создать единую исследовательскую базу для изучения языковых явлений в интегральном ключе. Такое видение эколлингвистики основывается на натурализованной и реалистической философии науки и вбирает в себя все существующее разнообразие экологических направлений.

В свою очередь, А. Стиббе, определяя лингвистическую составляющую эколлингвистики, указывает на использование всего многообразия лингвистических теорий для языкового анализа с целью выявления жизненных сценариев (*stories-we-live-by*). Жизненные сценарии представляют собой модели человеческого мышления (когнитивные модели), управляющие поведением и лежащие в основе мировосприятия, в том числе восприятия тех экологических вызовов, с которыми человечеству приходится иметь дело (утрата биоразнообразия, проблема продовольственного обеспечения, изменение климата, сокращение водных ресурсов, проблема обеспечения энергией, загрязнение окружающей среды, отчуждение от природы, вопросы социальной справедливости и т.п.) [Stibbe 2015: 1, 7]. Наряду с термином *жизненный сценарий*, или *сценарий, по которому мы живем*, в зарубежной литературе встречаются и другие обозначения сходного понятия: мифы, которыми мы живем (*myths we live by*), парадигмы (*paradigms*), рефрены (*refrains*), корневые метафоры (*root metaphors*) [Stibbe 2015: 5–6].

Если следовать теории социальных представлений (*Social Representation Theory*) [Rateau et al 2012], не только метафоры, которыми мы живем (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону), но и широкий круг общих идей, подходов, восприятий, ценностей и верований направляют умы множества членов социальных групп определенной культуры либо к защите, либо к разрушению жизнеобеспечивающих экосистем. Данная эколлингвистическая концепция уводит от нереализуемого ответа на вопрос «Как изменить сам язык?» к постановке нового вопроса «Как использовать лингвистические особенности языка для передачи тех сценариев, по которым мы живем?» [Stibbe 2015: 185–186].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что по всем признакам эколлингвистика являет собой продукт интегральной научной парадигмы, «существенно расширяющей горизонты лингвистических исследований и сулящей достижение еще более интересных результатов лингвистической деятельности в будущем» [Кубрякова 1995: 231]. Будучи сложным и многогранным феноменом, естественный человеческий язык требует к себе такого подхода в изучении, который предполагает широкий системный контекст. Сама же лингвистика все больше приобретает черты полипарадигмальности, поскольку именно ей

отводится главная роль в решении большого спектра общечеловеческих проблем, что превращает ее в общенаучную дисциплину.

Принимая во внимание принцип дополнительности Н. Бора, уже невозможно отрицать совместимость экологии и лингвистики: «если “объяснять – дело филолога” (Д.С. Лихачев), то защищать язык и природу – дело эколога и лингвиста» [Шляхов, Никонов 2011: 139]. Уход от антропоцентризма в чистом виде к эоантропоцентрическому мировоззрению в стремлении достичь гармонии в отношении «человек – природа», становится ключевым свойством современной эколингвистики. Постепенно человечество вырабатывает принципиально новый подход к взаимоотношению с природой, который характеризуется такими понятиями, как системная, синергетическая, холистическая, интегральная (постнеклассическая) парадигма, предполагающими отказ от дуалистического восприятия этих отношений в пользу восприятия целостного. Экологизация научного знания приобретает массовый характер и требует развития новых направлений, связывающих экологию с другими науками, как например, эволюционная экология, палеоэкология, геологическая экология, радиоэкология, космическая экология, сельскохозяйственная экология, социальная экология, медицинская экология, эколингвистика и др., что позволяет называть парадигму, берущую начало в 70-х гг. XX в., также парадигмой эоантропоцентрической.

Имея тесные связи с социолингвистикой, семиотикой, лингвосинергетикой, культурой речи, речеведением и многими другими отраслями знаний, а также прочную экофилософскую основу, эколингвистика вне всякого сомнения отражает основные черты синергетической (постнеклассической, эоантропоцентрической, интегральной) парадигмы, нацеленной на всестороннее и многоаспектное изучение объектов открытой, диссипативной природы.

Список литературы

Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 15–31. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A.pdf> (дата обращения: 05.07.2015).

Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.

Бронник Л.В. Когнитивная лингвосинергетика – новый этап в науке о языке и мышлении // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 10. С. 29–31.

Бронник Л.В. Когнитивно-синергетический подход к языку: философско-методологический анализ: автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 51 с.

Вишев И.В., Ханжин Б.М., Ханжина Т.Ф. Экофилософия: современные проблемы и перспективы решения: Учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1999. 138 с.

Гимазетдинова А.Х., Солодухо Н.М. Экологическое сознание и экологический архетип: Монография. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. 140 с.

Ермолаева В.Е. Философия отношений с природой: споры вокруг глубинной экологии. М.: ИНИОН РАН, 1997. 48 с.

Карпинская Р.С. Биофилософия – новое направление исследования // Биофилософия. М., 1997. С. 90–94.

Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 90–99. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kravchenko-A.V.pdf> (дата обращения: 24.05.2015).

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Серия литературы и языка. М.: Наука. 1994. Т. 53. № 2. С. 3–15.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Издательский центр РГГУ, 1995. С. 144–238.

Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте [1970] // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социоллингвистика. М.: Издательство «Прогресс», 1975. С. 96–181.

Матурана Умберто Р., Варела Франциско Х. Дерево познания. Перевод с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс–Традиция, 2001. 224 с.

Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 [1] с., ил.

Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Огдонова Ц.Ц. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 122–124. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_2-3_46.pdf (дата обращения: 18.02.2016).

Пахомов Ю.Н. Формирование эчеловека: методологические принципы и программные установки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 124 с.

Потеряхина И.Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 185 с.

Рубанова Е.В. Философские проблемы становления экологического знания. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. 140 с.

Сиротинина О.Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 177–193. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/05/Sirotinina.pdf> (дата обращения: 20.06.2015).

Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194–222. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/01/Skovorodnikov.pdf> (дата обращения: 20.06.2015).

Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140–161. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Skovorodnikov-A.P.pdf> (дата обращения: 20.06.2015).

Социоллингвистика // Энциклопедия Кругосвет: универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/SOTSIOLOGIVISTIKA.html (дата обращения: 19.01.2016).

Суховерхов А.В. Современные тенденции в развитии эколингвистики // Язык и культура. 2014. № 3. С. 166–175.

Телия В.Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 3–10.

Уилбер К. Введение в интегральную теорию и практику: базовая интегральная операционная система и всесекторно-всеуровневая карта / Пер. В. Данченко // Глубинная психология: учения и методики. URL: <http://www.psyoffice.ru/2777-9-uilbk03-index.html> (дата обращения: 21.01.2016).

Ханжин Б.М., Ханжина Т.Ф., Лыгин В.Н., Боровков Н.М., Филин Г.Ф. Философия природного естества (экофилософия). Госуд. предприятие Астрах. области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2008. 208 с.

Черникова И.В. Философия и история науки: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.

Шаталов А.Т., Олейников Ю.В. К проблеме становления биофилософии // Биофилософия. М., 1997. С. 5–26.

Шляхов В.И., Никонов А.Л. Эколлингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве // Пространство и Время. 2011. № 4 (6). С. 138–144.

Finke P. Politizität. Zum Verhältnis von theoretischer Härte und praktischer Relevanz in der Sprachwissenschaft. Spracheimpolitischen Kontext. Tübingen: Niemeyer, 1983. Pp. 15–75. (Part 2. Ökologische konstruktive Linguistik. Pp. 44–75).

Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.

Haugen E.I. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. 368 p.

Naess A. The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movements. Inquiry, 1973. № 16. Pp. 95–100.

Naess A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 223 p.

Rateau P., Moliner P., Guimelli C., Abric J.C. Social Representation Theory. Handbook of Theories of Social Psychology, 2012. № 2. Pp. 477–497.

Steffensen S. V., Fill, A. Ecolinguistics: the State of the Art and the Future Horizons. Ecolinguistics: The Ecology of Language and Science: Special Issue of Language Sciences. 41. Part A. 2014. Pp. 6–25.

Stibbe A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. London and New York: Routledge, 2015. 210 p.

Trampe W. Sign-World Systems. In M. Döring, H. Penz and W. Trampe (eds.). Language, Signs and Nature: Essays in Honour of Alwin Fill. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2008. Pp. 39–57.

Wilber K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map. AQAL: Journal of Integral Theory and Practice, 2006. Vol. 1. № 1. Pp. 1–40.

Zimmerman M.E. From Deep Ecology to Integral Ecology: A Retrospective Study. The Trumpeter: Journal of Ecosophy, 2014. Vol. 30. № 2. Pp. 247–268. URL: <http://trumpeter.athabascau.ca/index.php/trumpet/article/view/1379/1668> (дата обращения: 20.01.2016).

References

Bernatskaya A.A. Lingvoehkologiya i “kritika yazyka” [Linguistic ecology and “language criticism”]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014. № 2. Pp. 15–31. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A.pdf> (accessed 05.07.2015).

Borodaj S.Y. Sovremennoye ponimaniye problem lingvisticheskoy otnositel'nosti: raboty po prostranstvennoj kontseptualizatsii [The problem of linguistic relativity today: studies in spatial conceptualization]. *Voprosy yazykoznanija*. 2013. № 4. Pp. 17–54.

Bronnik L.V. Kognitivnaya lingvosinergetika – novyj ehtap v nauke o yazyke i myshlenii [Cognitive linguosynergetics as a new stage in the science of language and thinking]. *Vestnik Adygejskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedeniye*. 2008. Vyp. 10. Pp. 29–31.

Bronnik L.V. Kognitivno-sinergeticheskij podhod k yazyku: filosofsko-metodologicheskij analiz [A cognitive-synergetic approach to language: philosophical and methodological analysis]: avtoref. diss. ... dokt. filos. nauk. Rostov-na-Donu, 2013. 51 p.

Vishev I.V., Khanzhin B.M., Khanzhina T.F. Ekhofilosofiya: sovremennyye problemy i perspektivy resheniya [Ecophilosophy: modern problems and possible solutions]: Ucheb. posobiye. Chelyabinsk: Izd-vo YUrGU, 1999. 138 p.

Gimazetdinova A.Kh., Solodukho N.M. Ekhologicheskoye soznaniye i ekhologicheskij arkhetyp [Ecological consciousness and ecological archetype]: Monografiya. Kazan': Izd-vo Kazan. gos. tekhn. un-ta, 2008. 140 p.

Yermolayeva V.E. Filosofiya otnoshenij s prirodoy: spory vokrug glubinnoj ekhologii [Philosophy of relations with nature: a dispute over deep ecology]. M.: INION RAN Publ., 1997. 48 p.

Karpinskaya R.S. Biofilosofiya – novoye napravleniye issledovaniya [Biophilosophy as a new branch of investigation]. *Biofilosofiya*. M., 1997. Pp. 90–94.

Kravchenko A. V. Dva vzglyada na ekhologiyu yazyka i ekhologicheskuyu lingvistiku [Two views on the ecology of language and ecolinguistics]. *Ekhologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014. № 2. Pp. 90–99. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kravchenko-A.V.pdf> (accessed 24.05.2015).

Kubryakova E.S. Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i eyo sovremennyy status [Scientific paradigms in linguistics and its modern status]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. M.: Nauka. 1994. T. 53. № 2. Pp. 3–15.

Kubryakova E.S. Evolutsiya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the XXth century (an attempt of the paradigm analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka*. Pod red. Y.S. Stepanova. M.: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 1995. Pp. 144–238.

Labov W. Issledovaniye yazyka v ego sotsial'nom kontekste [1970] [The study of language in its social context]. *Novoye v lingvistike*. Vyp. VII. Sotsiolingvistika. M.: Izdatel'stvo «Progress», 1975. Pp. 96–181.

Maturana H. R., Varela, F. J. Drevo poznaniya [The Tree of Knowledge]. Translated from English by J. A. Danilova. M.: «Progress-Traditsiya» Publ., 2001. 224 p.

Moiseev N.N. Chelovek i noosfera [Man and noosphere]. M.: Mol. gvardiya, 1990. 351 [1] p., il.

Moiseev N.N. Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma [The destiny of civilization. Way of reason]. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 224 p. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura).

Ogdonova Ts.Ts. Kontseptual'nye osnovaniya lingvoehkologicheskoy paradigmy nauchnykh issledovaniy [Conceptual bases of a linguoecological paradigm of scientific researches]. *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya*. Tambov: «Gramota» Publ. 2009. № 2 (21): in 3 parts. P. III. Pp. 122–124. Available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_2-3_46.pdf (accessed 18.02.2016).

Pakhomov Y.N. Formirovaniye ehkocheloveka: metodologicheskiye printsipy i programmnyye ustanovki [The formation of ecoman: methodological principles and program aims]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2002. 124 p.

Poteryakhina I.N. Lingvoehkologicheskiye kharakteristiki angloyazychnoj virtual'noj korporativnoj kommunikatsii [Linguoecological characteristics of the English-language virtual corporate communication]: diss. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 2015. 185 p.

Rubanova E.V. *Filosofskiye problemy stanovleniya ehkologicheskogo znaniya* [Philosophical problems of the formation of environmental knowledge]. Tomsk: Izd-vo «TML-Press», 2007. 140 p.

Sirotnina O. B. Razmyshleniya o tom, kak dolzhna ponimat'sya bor'ba za ehkologiyu yazyka [Thinking about how to understand the language ecology battle]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2013. № 1. Pp. 177–193. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/05/Sirotnina.pdf> (accessed 20.06.2015).

Skovorodnikov A.P. O predmete ehkolingvistiki primenitel'no k sostoyaniyu sovremennogo russkogo yazyka [About ecolinguistics subject in reference to the modern Russian language]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2013. № 1. Pp. 194–222. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/01/Skovorodnikov.pdf> (accessed 20.06.2015).

Skovorodnikov A. P. K filosofskim osnovaniyam predmetnoy oblasti ehkolingvistiki [To the philosophical bases of subject domain of ecolinguistics]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014. № 2. Pp. 140–161. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Skovorodnikov-A.P.pdf> (accessed 20.06.2015).

Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. *Entsiklopediya Krugosvet: universal'naya nauchno-populyarnaya onlayn-entsiklopediya*. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/SOTSIOLINGVISTIKA.html (accessed 19.01.2016).

Sukhoverkhov A.V. Sovremennyye tendentsii v razvitii ehkolingvistiki [Current trends in the development of ecolinguistics]. *Yazyk i kul'tura*. 2014. № 3. Pp. 166–175.

Teliya V.N. Predisloviye [Foreword]. *Metafora v yazyke i tekste*. Otv. red. V.N. Teliya. M.: Nauka, 1988. Pp. 3–10.

Wilber K. Vvedeniye v integral'nyu teoriyu i praktiku: bazovaya integral'naya operatsionnaya sistema i vsesektorno-vseurovnevaya karta [Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map]. Translated by V. Danchenko. *Glubinnaya psikhologiya: ucheniya i metodiki*. Available at: <http://www.psyoffice.ru/2777-9-uilbk03-index.html> (accessed 21.01.2016).

Khanzhin B.M., Khanzhina T.F., Lygin V.N., Borovkov N.M., Filin G.F. *Filosofiya prirodnogo estestva (ehkofilosofiya)* [Philosophy of nature (ecophilosophy)]. Gosud. predpriyatiye Astrakh. oblasti «Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks «Volga», 2008. 208 p.

Chernikova I.V. *Filosofiya i istoriya nauki* [Philosophy and history of science]: Ucheb posobiye. 2-ye izd., ispr. i dop. Tomsk: Izd-vo NTL, 2011. 388 p.

Shatalov A.T., Oleynikov Y.V. K probleme stanovleniya biofilosofii [On the problem of the formation of biophilosophy]. *Biofilosofiya*. M., 1997. Pp. 5–26.

Shlyakhov V.I., Nikonov A.L. Ehkolingvistika i problema ehkologii yazyka v rossiyskom yazykovom prostranstve [Ecolinguistics and the problem of language ecology in the Russian language space]. *Prostranstvo i vremya*. 2011. № 4 (6). Pp. 138–144.

Finke P. *Politizität. Zum Verhältnis von theoretischer Härte und praktischer Relevanz in der Sprachwissenschaft. Sprache im politischen Kontext*. Tübingen: Niemeyer, 1983. Pp. 15–75. (Part 2. Ökologische konstruktive Linguistik. Pp. 44–75).

Gibson J.J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin, 1979.

Haugen E. I. *The Ecology of Language: essays by Einar Haugen*. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. 368 p.

Naess A. The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movements. *Inquiry*, 1973. № 16. Pp. 95–100.

Naess A. *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 223 p.

Rateau P., Moliner P., Guimelli C., Abric J.C. Social Representation Theory. *Handbook of Theories of Social Psychology*, 2012. № 2. Pp. 477–497.

Steffensen S. V., Fill A. Ecolinguistics: the State of the Art and the Future Horizons. *Ecolinguistics: The Ecology of Language and Science: Special Issue of Language Sciences*. 41. Part A. 2014. P. 6–25.

Stibbe A. *Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By*. London and New York: Routledge, 2015. 210 p.

Trampe W. Sign-World Systems. In M. Döring, H. Penz and W. Trampe (eds.). *Language, Signs and Nature: Essays in Honour of Alwin Fill*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2008. Pp. 39–57.

Wilber K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map. *AQAL: Journal of Integral Theory and Practice*, 2006. Vol. 1. №1. Pp. 1–40.

Zimmerman M.E. From Deep Ecology to Integral Ecology: A Retrospective Study. *The Trumpeter: Journal of Ecosophy*, 2014. Vol. 30. № 2. Pp. 247–268. Available at: <http://trumpeter.athabasca.ca/index.php/trumpet/article/view/1379/1668> (accessed 20.01.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Курашкина Наталия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка

Башкирский государственный университет

Россия, 450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

E-mail: kurashkina76@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kurashkina Natalia Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate professor, Associate professor of the Department of the English Language

Bashkir State University

32 Zaki Validy Str., Republic of Bashkortostan, Ufa 450076 Russia

E-mail: kurashkina76@mail.ru